

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

THEORETICAL ASPECTS OF SOCIOLINGUISTICS

УДК 81'272

DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-9-30

ИНТЕГРАЦИЯ И РАЗДЕЛЕНИЕ «ЯЗЫКА»: ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ В СССР И МОНГОЛИИ В 1920–1940 гг.

Арай Юкиясу

Университет Хоккайдо, Япония

Статья посвящена вопросам языковой политики монгольских народов СССР и Монголии, а именно бурят, калмыков и монголов в 1920-1940-е годы – наиболее турбулентный и судьбоносный период в истории письменностей данных народов, по которому отсутствуют исследования обобщающе-сопоставительного характера. Автор прослеживает историю письменностей монгольских народов с момента их возникновения и до 1941 года в широком историческом контексте. Детально рассмотрены процессы латинизации, кириллизации, деятельность известных лингвистов и общественных деятелей того времени. Отдельно автор останавливается на конференции монгольской группы народов по вопросам письменности и языка 1931 г., которая рассматривается как несбывшийся шанс единения монгольских народов на основе письменности. Делается вывод о том, что разделение монгольских языков на халха-монгольский, бурятский и калмыцкий в действительности было результатом языковой политики того периода. Визуализация речи посредством алфавитов и орфографии определила границы между данными языками.

Ключевые слова: буряты, калмыки, монголы, языковая политика, монгольская письменность, алфавит, орфография, Тодо бичиг, кириллица, латиница

INTEGRATION AND DIVISION OF THE “LANGUAGE”: LANGUAGE POLICY OF THE MONGOLIAN PEOPLES IN THE USSR AND MONGOLIA IN 1920–1940

Arai Yukiyasu

Hokkaido University, Japan

The article is devoted to the issues of language policy of the Mongolian peoples of the USSR and Mongolia, namely the Buryats, Kalmyks and Mongols from the 1920s to the 1940s, which is the most turbulent and fateful period in the history of written languages of these peoples. There are no comparative studies on language policy of all these Mongolian peoples in that period, so the paper is intended to fill in this gap. The author traces the history of the written languages of Buryats, Kalmyks and Mongols from the moment of their origin to 1941 in a broad historical context. The processes of Romanization, Cyrillization, the activities of famous linguists and public figures of that time are discussed in detail. Separately, the author dwells on the conference of the Mongolian group of peoples on the issues of writing and language in 1931, which he considers as an unfulfilled chance for the unity of the Mongolian peoples on the basis of writing. It is concluded that the division of the

Mongolian languages into Khalkha-Mongolian, Buryat and Kalmyk was actually the result of the language policy of that period. The visualization of speech through alphabets and spelling has defined the boundaries between these languages.

Keywords: *Buryats, Kalmyks, Mongols, language policy, Mongolian writing, alphabet, spelling, Todo bichig, Cyrillic, Latin*

Введение

Определить, что такое язык, очень сложно. Есть много аспектов, которые имеют отношение к этому вопросу. Легко сказать, что один язык отличается от другого, когда грамматика и лексика отличаются друг от друга. Но если язык похож на соседний, то тогда не лингвистические, а политические или другие причины ложатся в основу разделения (Ausbau). Есть также случаи, когда дискутируется вопрос о том, является ли некий идиом языком или диалектом.

В данной статье рассматривается процесс возникновения трех письменных «языков» в 1920–1940-е годы у монгольских народов, имевших ранее неясные этнические границы, а именно у монголов, бурят и калмыков.

Нет никаких исследований, которые касались бы языковой политики всех монгольских народов в целом. Если говорить обо всем Советском Союзе, то тут можно обратиться к трудам Л. Гренобль, В.М. Алпатова и М.И. Исаева [Grenoble, 2003; Алпатов 2000; Исаев 1979]. Для других групп народов, таких как тюрки, существует множество трудов, которые касаются языковой политики этой группы в целом; это труды таких авторов как Уиннер, Смит или Шимшир [Winner, 1952; Smith, 1998; Şimşir, 1992]. При создании алфавитов для малочисленных народов (с населением менее 50 000 человек) в статье О.А. Казакевич приводится очень подробный перечень, в котором описывается, какие языки имели (и имеют) алфавиты, в какой письменности и в какой период эти алфавиты использовались [Казакевич, 1996]. Существует несколько книг и документов, в которых рассматривается языковая политика монгольских народов, но не в целом. О языковой политике бурят можно судить по работам Р. Монтгомери, Л.Д. Шагдарова и Ц.Б. Цыдендамбаева [Montgomery, 2005; Шагдаров, 1967; Цыдендамбаев, 1973]. По языковой политике калмыков есть несколько книг, например, Ц.-Д. Номинханова и Д.А. Павлова [Номинханов, 1976; Павлов, 2000]. По языковой политике монголов в Монголии существуют коллекции архивных материалов, таких как «Действия монгольского народа по ликвидации неграмотности» или «Школы в период революционной демократии (1921–1940 гг.)», а также работы Шагдарсурена и Л. Чулуунбаатара, которые дают важную информацию с точки зрения образовательной политики, в частности, в языковом аспекте [Монгол ардын хувьсгалт намаас бүх нийтийг үндэсний бичиг үсэгт сургасаннь, 1967; Хувьсгалын ардчилсан шатны боловсролын сургууль (1921–1940), 1967; Шагдарсүрэн, 1981; Шагдарсүрэн, 1992; Шагдарсүрэн, 2001; Чулуунбаатар, 2002].

Монгольский алфавит

Монгольская письменность использовалась всеми монгольскими народами. Ученые по сей день дискутируют по поводу времени создания монгольской письменности. Самое раннее упоминание об этом письме датируется XIII веком. Согласно мнению некоторых ученых, эта письменность была заимствована у согдийцев в VII веке.

Существует несколько письменностей, которыми пользовались монголы с того времени: квадратное письмо династии Юань в XIII веке, Ясное письмо (Тодо-бичиг) ойратов (западных монголов) в середине XVII века, письмо соёмбо (Соёмбо бичиг) в конце XVII века, которое в настоящее время используется как символ независимости Монголии, письмо Вагиндра для северных монголов (бурят) в начале XX века и латинский шрифт для монголов, калмыков и бурят в 1930–1940-х годах. Кроме Ясного письма (Тодо-бичиг), которое до сих пор используется малочисленными западными монголами в Синьцзянской автономной области в Китае, несмотря на то что в образовании используется старомонгольский алфавит, ни одна из вышеупомянутых письменностей не функционирует сегодня. Монгольская письменность, однако, сохранилась. Монголы во Внутренней Монголии (Китай) до сих пор используют монгольскую письменность в повседневной жизни. Остальные монгольские народы – монголы в Монголии, калмыки и буряты в Российской Федерации – в настоящее время используют кириллицу в повседневной жизни.

В начале XX века, по мнению академика Б.Я. Владимирцова, монгольская письменность широко использовалась бурятами, монголоязычной этнической группой, проживающей недалеко от озера Байкал, калмыками, проживающими в Нижнем Поволжье в России¹, хошутами – монгольским народом, живущим недалеко от Тибета, а также другими монголами, живущими на востоке от Пекина. На территориях бытования Ясного письма (Тодо бичиг), а именно в западной Монголии и в Калмыкии в России, монгольская письменность также использовалась в целях международного общения с монголоязычными регионами.

Однако к тому времени монгольская письменность уже была далека от разговорного «народного» монгольского языка. Кроме того, грамотность на монгольской письменности была очень низкой. В целях сближения письменного языка и разговорного народного языка была проведена реформа монгольской письменности.

¹Национальный архив Республики Калмыкии (далее НАРК) ф. РЗ. Оп.2, д. 1144, л.18.

Буряты до Первой мировой войны

Буряты – монгольский народ, проживающий в Сибири в России, вошли в состав Российской империи в результате заключения Нерчинского договора 1689 года и Кяхтинского договора 1727 года. В 1822 г. буряты получили автономию вследствие реформы Сперанского, генерал-губернатора Сибири. Но в середине XIX века огромное количество земли, принадлежавшей бурятам (особенно на западе), было заселено иммигрантами, приехавшими в Сибирь в результате освобождения крепостных в 1860 году, открытия Транссибирской железнодорожной магистрали и пропаганды миграции в Сибирь во время русско-японской войны и Столыпинских реформ.

С этого земельного вопроса буряты начали осознавать свою этническую принадлежность (национальность). Это осознание постепенно превратилось в национальное сознание. В превращении этого сознания в национальное движение ключевую роль сыграла интеллигенция.

В конце XIX века группы бурятской интеллигенции формировались в основном в Санкт-Петербурге и Иркутске. Особую роль в формировании бурятской интеллигенции сыграл бурятский общественный деятель Петр Бадмаев, основавший в Санкт-Петербурге школу для бурятских школьников. Многие буряты, которые учились в этой школе, позже, в 1920–1940-е годы, например, Цыбен Жамцарано или Базар Барадин, работали в различных направлениях. Один из бурятских интеллектуалов Г. Цыбиков заявил, что хотя буряты очень малочисленны, но будут авангардом пробуждения монголов для их культурного возрождения [Танака, 1990: 201].

Как в случае с другими национальными движениями, одной из важных тем для интеллигенции была модернизация своего народа и одновременно возрождение своей культурной мощи. И для этого бурятская интеллигенция начала просвещать свой народ. «Для просвещения народа язык должен быть модернизирован, чтобы его можно было легко выучить» – такое мнение можно было услышать не только от монголов, но и от турецкой или персидской интеллигенции или людей из других стран. В Китае, например, некоторые представители интеллигенции настаивали на отмене китайских иероглифов и использовании другой письменности для китайского языка [Такэда, 1994: 191–317]. Или в Японии, где один влиятельный бюрократ из министерства образования даже настаивал на использовании английского языка вместо японского как официального языка [Ли Ёнсук, 1995]. Все эти предложения вытекают из мысли о том, что их языки и письменности отстали от современных цивилизаций. Фактически принятие латинского алфавита вместо арабского языка в Турции в 1928 году стало одним из результатов этих аргументов.

В начале XX века с помощью профессора Санкт-Петербургского университета В.Л. Котвича буряты основали издательство «Наран» («Солнце») и начали издавать книги на монгольском и других языках. Они издавали книги по буддизму и различные виды просветительских книг. Среди этих книг, изданных в «Наран», две книги имели отношение к реформе письменности. Одна из них – «Зеркало сердца» (1905 г.) – буддийского монаха Агвана Доржиева, а другая – «Отрывки из бурятской народной литературы» (1910 г.) – Базара Барадина. Первый представил недавно созданное им письмо вагиндра. Это письмо вносило необходимые изменения в монгольское письмо, чтобы приблизить его к реальной речи [Доржиев, 1998: 251]. Б. Барадин настаивал на введении латинского алфавита для бурят, показывая, что латинским шрифтом они могут записывать свои народные сказки на различных бурятских диалектах [Baraadiiin, 1910: 37–38].

Но оба автора настаивали на том, что их письма (алфавиты) будут использоваться как промежуточные письменности для народа, чтобы люди легко могли освоить монгольскую письменность с помощью этих посреднических письменных форм. Бурятам слишком трудно было выучить монгольское письмо, так как орфография была очень трудна для них ввиду того, что она сильно отличалась от их родного языка. Из этих планов можно предположить, что авторы полагали, что важно сохранить монгольскую письменность для бурят, потому что это важное средство, связывающее бурят с другими монгольскими народами. Но дискуссии о языковой модернизации прекратились в связи с началом первой мировой войны и русской революции.

Калмыки до 1930 года

В начале XVII века калмыки поселились в Нижнем Поволжье, расселились среди, в основном, тюркских и кавказских народов, что способствовало осознанию своей самоидентификации, своего уникального наследия. Калмыки – единственный народ в Поволжском регионе, исповедующий буддизм, что и составляет контраст между калмыками и проживающими в этом регионе народами. С конца 17 века по начало 18 века Аюка Хан сформировал в этом регионе сильное калмыцкое ханство. Это было вершиной калмыцкого общества. После смерти Аюки Хана калмыки стали терять свое влияние на политической арене. В 1771 году часть калмыцкой аристократии откочевала обратно в Синьцзян (Джунгарию), откуда они переселились в 17 веке, а территория Калмыцкого ханства стала подконтрольной непосредственно российскому правительству. С этого момента территория Калмыцкого ханства постепенно сокращалась в результате экспроприации земель правительством и иммиграции русских и немецких крестьян на эту территорию. В 1860 году

К.И. Костенковым было предпринято исследование калмыцкой общности, перспективы их дальнейшего развития рассматривались как негативные, вплоть до скорого исчезновения [Костенков, 1868].

Тенденция русификации была особенно сильна среди калмыков в районе Дербет-Улус. Профессор Санкт-Петербургского университета монголовед В.Л. Котвич протянул руку помощи калмыцким учителям. В 1915 году он разработал учебник калмыцкого языка и организовал курсы подготовки калмыцких учителей в Санкт-Петербурге в целях дальнейшего распространения грамотности, обучения калмыков в школе [Котвич, 1915]. Для обучения калмыцких учеников использовалось старокалмыцкое письмо Тодо бичиг (Ясное письмо), разработанное в 1648 г. Целью создания Todo bichig было различение некоторых фонем, которые были написаны одинаковым образом монгольским алфавитом. Это письмо распространилось среди западных монголов, оно отражало речь носителей в середине XVII века. Но со временем разница между письменностью и речью увеличилась, и к началу XX века разница стала настолько ощутимой, что некоторые видели в Тодо бичиг причину отсталости калмыков в то время. В целях устранения этого разрыва профессор Котвич предложил модификацию, приближающую Тодо бичиг к речи калмыков того времени и разработал учебник на основе этого письма. Реформированное письмо Тодо бичиг было быстро воспринято калмыками. В том же 1915 году был опубликован букварь калмыцкого языка, составленный Николаем Нармаевым и Номто Очировым, опубликована первая калмыцкая газета, издававшаяся с 1917 по 1918 гг. на этом Тодо бичиг [Нармаев, Очиров, 1915: Өөрдинзянг №.1–5, 1917–1918].

В июне 1920 года, в результате русской революции и гражданской войны, была образована Калмыцкая автономная область, преобразованная в 1935 г. в Калмыцкую автономную республику. В декабре 1923 года стали высказываться мнения по поводу целесообразности замены графической системы калмыцкого языка с Тодо бичиг на кириллицу. 6 января 1924 г. состоялась языковая конференция, на которой Номто Очиров выступил в пользу смены графики калмыцкого языка, поддержали такое решение 145 чел., против – 5, таким образом была введена кириллическая система письма для калмыцкого языка.

Однако сопротивление языковой реформе все еще было сильным среди калмыцкой интеллигенции. В резолюции, принятой после этой конференции, помимо принятия кириллицы, говорилось, что Тодо бичиг будет сохранен в академических целях, чтобы прошлое калмыков не было забыто. Кроме того, в резолюции принятая кириллица обозначалась не как алфавит, а как «транскрипция», что странно, т.к. означает, что кириллица – это транскрипция другой письменности.

Подобная ситуация сложилась в отношении японской письменности, связи между Хираганой, Катаканой и Кандзи и китайскими иероглифами. Буквы, называемые Хирагана и Катакана, слоговые буквы, включают в себя слово "Кана", которое может быть переведено как "предварительные буквы". Таким образом, оба слова "Кана" ранее существовали для транскрибирования единственного реального письма, Кандзи, китайских иероглифов.

Ранее в статье рассматривалась реформа письменности бурят. Понятно, что был введен новый алфавит-посредник – «мост» между народом, говорящим на различных диалектах, и традиционной монгольской письменностью. И кажется, что идея транскрипции слова в точности совпадает с идеей реформирования письменности среди бурят. Возвращаясь к событиям начала XX века, напомним, что Номто Очиров был одним из основателей издательства «Наран», поэтому можно предположить, что он мог позаимствовать эту идею в отношении калмыцкого языка, так как даже реформированная письменность Тодо Бичиг была все еще трудна для народа [История отечественного востоковедения в середины XIX века до 1917, 1997]. Это может быть просто случайностью, а может быть и духом времени. У бурят и калмыков были одинаковые мысли, когда они стремились модернизировать свои языки путем замены письменности. Поскольку в последующие годы Очиров не участвовал в лингвистических конференциях и не оставил никаких комментариев по этому вопросу, мы можем только предполагать такую возможность.

Кириллизация в 1920-х годах застопорилась, поскольку ученые спорили друг с другом о реформе. Вот поэтому очень влиятельный монголовед, проф. Б.Я. Владимирцов был приглашен из Ленинградского университета на конференцию в феврале 1928 года для решения этого вопроса. Но, в отличие от ожиданий калмыков, профессор Владимирцов заявил, что он против кириллизации. Он заявил, что калмыки должны оставаться в «монгольском мире». Его речь, как говорят, вызвала отвращение среди калмыков.

Калмыки каким-то образом пришли к решению проблемы, и уже через месяц журналы и газеты издаются по орфографии и алфавиту, как это было решено на конференции. Но эта практика долго не продлилась. В упомянутой конференции участвовал и Н.Т. Тюрякулов, ученый из Москвы, председатель всесоюзной Комиссии по новотюркскому алфавиту. Он сказал, что языки многих народов Советского Союза сейчас переводятся на латинскую графику и калмыки должны следовать этой тенденции. Таким образом, очередная волна реформ вскоре коснулась калмыцкого языка. В январе 1930 года была отменена кириллица и калмыцкий язык перешел на латинскую графику. Новая принятая графическая система калмыцкого языка уже называлась транскрипцией.

Буряты после русской революции до 1929 г.

После революции в Сибири и на Дальнем Востоке произошла интервенция армий США, Японии и других стран, и установить там большевистский режим стало очень сложно. Поэтому большевики решили отделить восточную часть Байкала от остальной России и создали буферное государство под названием Дальневосточная республика. По этой причине буряты, проживающие по обе стороны Байкала, были вынуждены жить раздельно. Но вскоре после вывода японской армии в октябре 1922 года эта Дальневосточная республика была быстро поглощена Советским Союзом. Буряты вновь стали как единое целое и в 1923 г. образовали Бурят-Монгольскую Автономную Советскую Социалистическую Республику (далее – БМАССР)².

Но эти проблемы бурят не исчерпываются. Буряты на востоке и западе Байкала в культурном плане очень разные. Некоторые археологические и исторические находки говорят о том, что буряты на востоке были связаны с монголами востока, в то время как о бурятах на западе говорят, что они пришли с запада и культурно и лингвистически связаны с западно-монгольским народом.

Религия также отличается. Буддизм был широко распространен среди восточных бурят с XVII века, в то время как западные буряты находились под сильным влиянием шаманизма и христианства с тех пор, как Николай I запретил в 1853 году распространение буддизма.

Это различие в религиях также отражается в различиях в письменных и лексических источниках. Монгольская письменность официально или религиозно использовалась для восточных бурят, в то время как ни одна из письменностей не была официально принята для западных бурят. Но кириллица была более знакома западным бурятам, чем монгольская письменность, так как кириллица использовалась в администрации и в школах. Особенно сильные различия возникли в лексике, так как восточные буряты использовали буддийские термины, в то время как западные буряты использовали русские заимствованные слова.

Так по обе стороны Байкала жил народ, который называл себя бурятами, но их культура была весьма разной, как мы отметили выше. Таким образом, интеллигенция должна была попытаться создать новый письменный язык для бурят с обеих сторон Байкала, чтобы они могли преодолеть свое культурное, особенно языковое, различие.

Некоторые представители интеллигенции хотели объединить бурят на основе монгольской письменности. Другие, особенно некоторые представители западной бурятской интеллигенции, хотели перенять кириллицу для новой письменности. А другие, как Базар

²Официальным названием бурят до 1958 г. было «Бурят-Монголы»; с 1958 года их называют бурятами. Но для удобства я буду использовать в тексте термин "Бурят".

Барадин, хотели перенять латинскую графику. Но на протяжении 1920-х годов монгольская письменность была самой сильной. У бурят все еще был способ письменного общения с остальным монгольским миром. Хотя латинская графика была официально принята в 1931 году, некоторые книги и журналы публиковались на монгольском письме до 1937 года.

Монголия до 1930 года

Основными этническими группами на территории нынешней Монголии являются халха-монголы. Эти халха сохранили свою независимость до конца XVII века, когда вторглись западные монголы и изгнали их из своей страны, так что в 1691 году им пришлось перейти под власть династии Цин. Их язык и культура были в какой-то мере такими же, как и прежде, за исключением того, что им пришлось обучать некоторых своих чиновников чтению и письму на маньчжурском языке. Впервые они упомянули о необходимости изучения китайского языка в 1898 году³.

Среди монголов, находившихся под властью династии Цин, первая попытка провести языковую реформу появилась у тех, кто жил ближе к Китаю, как, например, у харчинского принца Гунгсангнорбу. Вероятно, это произошло потому, что идея о языковой реформе возникла у них под влиянием китайской языковой реформы. Но такие аргументы, похоже, не дошли до той территории, где жили халхи.

После китайской революции и падения династии Цин в 1911 г. среди монголов выросло стремление к независимости. Они организовали армию, воевали против китайской армии и сумели занять территорию, которая сейчас называется Монголией и Внутренней Монголией. Но в результате Кяхтинского договора между Россией, Китаем и Монголией в 1915 году Монголия получила автономию и была вынуждена остаться в составе Китайской Республики [Хятад, Орос, Монголын..., 1999].

С 1911 года и до русской революции многие буряты были приглашены в Монголию, чтобы работать на них для государственного строительства. Одним из таких приглашенных бурят является Цывен Жамцарано, который разработал образовательный план для монголов. Вскоре после русской революции китайское правительство отменило автономию Монголии. Но в 1921 году в Монголии произошла революция, и, наконец, им удалось достичь независимости. Многие буряты также участвовали в этой революции. Особенно в области образования, с 1924 по 1932 год, сразу после создания Министерства образования, все министерские посты занимались бурятами [Шагдар, 2000]. Жамцарано также играл важную роль в Монгольском Научном Комитете (позднее Монгольская академия наук).

Возможно, именно под влиянием этих представителей бурятской интеллигенции и халха-

³[Манжийн дарангуйллын үеийн Монголын сургууль (1776-1911), 1965: 45-46]

монголы начали осознавать необходимость реформирования монгольской письменности и письменного языка, который тоже сильно отличался от языка, на котором они говорили. Этот аргумент впервые обсуждался на Четвертой партийной конференции Монгольской революционной партии в 1925 году. Но никаких реальных действий не происходило до 1930 года.

Латинизация в СССР

В марте 1922 года в Азербайджане под руководством С. Агамали-Оглы был создан Комитет по разработке нового тюркского алфавита с целью введения латинской графики вместо арабской [Вопросы совершенствования..., 1972].

Это движение расширило свои масштабы, когда на Первом Всесоюзном тюркологическом съезде в феврале 1926 года в Баку было официально признано использование латинской графики для всех языков тюркских народов СССР. Это движение вышло на общенациональный уровень, когда Центральный Исполнительный Комитет Советского Союза принял решение о создании Всесоюзного Центрального Комитета по изучению нового тюркского алфавита (далее ЦК НТА) во главе с председателем ЦИК Азербайджана С. Агамали-Оглы. В августе 1929 года Центральный Исполнительный Комитет СССР и Совет Народных Комиссаров приняли постановление «О новом латинизированном алфавите народов Советского Союза, использующих арабскую письменность», и латинизация распространилась на все народы, использующие арабскую письменность. Кроме того, их деятельность также распространилась на создание письменности для других народов, у которых еще не было письменности. Н.Я. Яковлев, один из лингвистов, сыгравших главную роль в этом движении латинизации, сообщил в журнале Комитета тюркских алфавитов «Революция и шрифт» в 1932 г., что 66 народов уже перешли на латинскую графику и 7 находятся на рассмотрении [Н. Яковлев, 1932: 34]. Удивительно, но некоторые из этих языков являются языками, на которых говорят менее 50 000 человек. Таким образом, были приложены огромные усилия для реализации латинизации в Советском Союзе.

Конечно, число, о котором упоминал Н.Я. Яковлев, включает в себя и калмыков и бурят, а также монголов. Но, как уже отмечалось, у монгольских народов так или иначе были свои собственные идеи о реформировании их языка. Поэтому далее мы хотели бы рассмотреть, как монгольские народы отреагировали на движение латинизации их языков.

Монгольские народы и начало латинизации

Латинская графика для монгольского языка была официально принята в 1930 году в рамках резолюции восьмого съезда Монгольской народно-революционной партии, а также

резолюции шестого заседания парламента Монгольской Народной Республики [Монгол ардын хувьсгалт..., 1967: 11]. В том же году в Министерстве образования был сформирован Комитет по латинской монгольской письменности, который разработал план официального введения латиницы к январю 1933 года.

У бурят Базар Барадин, который уже с 1910 г. настаивал на принятии латинского алфавита, возглавил движение за латинизацию. В 1929 г. он опубликовал в журнале ЦК НТА "Культура и шрифт Востока" (прежнее название «Революция и шрифт») статью о латинизации своего языка под названием «Вопросы повышения бурят-монгольской языковой культуры» [Барадин, 1929: 3–27]. После двухлетней дискуссии латинизация была официально принята в 1931 году решением заседания областного комитета Компартии в Бурят-Монголии [О культурно-национальном строительстве, 1931: 16].

В начале латинизации буряты планировали сделать свою новую письменность не на основе каких-либо бурятских диалектов, а на основе халхаского диалекта Монголии. Это показывает, что буряты хотели иметь один новый письменный язык с народом Монголии, как это было раньше, когда они использовали монгольскую письменность. Но бурятское правительство приняло селенгинский диалект в качестве основы новой письменности на том же заседании коллегии, на котором в 1931 г. была принята резолюция о латинской графике [О культурно-национальном строительстве, 1931: 16].

Причины этих изменений можно объяснить двояко. Первое – указание направления от Москвы после того, как центральное правительство стало опасаться иностранного влияния на этнические меньшинства страны. Второе – это сопротивление со стороны некоторых бурят, так как халхаский диалект не является диалектом бурят. Но недавно принятый селенгинский диалект является самым южным диалектом, на котором говорит всего лишь 10 процентов от всего населения. Это не главный диалект для бурят. Основным аргументом за принятие селенгинского диалекта было то, что этот диалект очень близок к халхаскому диалекту и, приняв этот диалект, буряты все еще могут сформировать одну письменность с монголами. Но некоторые восточные буряты, особенно носители хоринского диалекта, были недовольны тем, что их диалект был проигнорирован.

Калмыков обвинили в том, что они выступали против латинизации и приводили аргументы в газетах в пользу «русификации» на конференции «Новые тюркские алфавиты в Нижнем Поволжье», состоявшейся в Саратове в ноябре 1929 года [Айтов-гиль, 1932: 63]. Два месяца спустя, в январе 1930 г., Центральный Исполнительный комитет Калмыцкой области принял латинизацию, и с 28 сентября 1930 года все публикации стали издаваться на латинском письме.

Конференция монгольской группы народов по вопросам письменности и языка (10–17 января 1931 г.)⁴

10–17 января 1931 года в Москве состоялась конференция под названием «Конференция монгольской группы народов по вопросам письменности и языка». Здесь монголы, буряты и калмыки собрались вместе в первый и последний раз, чтобы обсудить объединение их недавно принятых алфавитов и орфографий. На конференции прозвучало 17 докладов. Выступили докладчики из Калмыкии, Бурятии и Монголии, а также ученые из Москвы и Ленинграда.

В резолюции конференции был принят единый монгольский алфавит, состоящий из 27 букв (a, b, c, ç, d, e, f, g, h, i, j, k, l, m, n, o, ø, p, r, s, ş, t, u, v, y, z, z) с тремя дополнительными буквами для калмыков (ə, ı, x). В резолюции содержится просьба к калмыкам изменить некоторые фонетические значения букв (с и ç) в их алфавите.

Для диалектов, на которых должен был основываться новый письменный язык, буряты и монголы приняли халхаский диалект, а калмыки приняли торгутский диалект (один из двух основных диалектов калмыков). Но в одной из резолюций, тем не менее, отмечалось, что наследие других диалектов, а именно монгольская письменность и другие международные языки не должны быть пренебрегаемы.

Для орфографии наиболее проблематичным моментом было то, как писать шва (неясные гласные) после второго слога. Монголы и буряты создали орфографию, где они пишутся, в то время как калмыки создали орфографию, где они в основном не пишутся, за исключением длинных гласных. Резолюция этой конференции приняла орфографию, которая пишет шва после второго слога, и попросила калмыков изменить их орфографию.

Что касается терминологии, то в принятой резолюции было предложено писать термины в соответствии с фонетической системой этого языка и не писать как слова, написанные на монгольском письме или на Тодо бичиг.

Для публикации было предложено создать монгольскую секцию Центрального издательского бюро в Москве, внести необходимые изменения в издательскую деятельность между Бурят-Монгольской АССР и Монгольской Народной Республикой, а также возобновить выпуск типографских машин для Бурят-Монгольской АССР и Калмыцкой Автономной Области. Наконец, было предложено создать в Москве постоянную комиссию по содействию развитию языка и письменности для монгольских народов.

Как мы отмечали выше, на этой конференции буряты и монголы имели почти во всех отношениях одно и то же мнение. Фактически все выступавшие на монгольском языке были бурятами, за исключением Н. Поппе (Дужарджав из Бурятии тогда был министром образования

⁴Материал, использованный в этой главе: [Конференция монгольских народов ..., 1932: 66–77]

в Монголии). Таким образом, это ясно показывает, что языковая политика Монголии и Бурятии в этот момент действительно шла рука об руку. Но для калмыков, наоборот, языковая политика всегда была иной, и в резолюции этой конференции калмыкам предлагалось изменить свою политику в отношении алфавита, орфографии.

До сих пор неясно, кто первым предложил организовать эту конференцию. Но если мы посмотрим на то, что происходило в то время, то увидим, что и другие народы, говорящие на аналогичных языках, или народы, проживающие на той же территории, также проводили подобные конференции, такие как Всесоюзной тюркологический съезд в 1926 г. или Всероссийская конференция по развитию языков и письменности народов Севера в 1932 г. Фактически это была одна из тенденций того времени, после того как руководители ЦК НТА сочли невозможным объединение всех языков СССР, о чем они мечтали в начале латинизации. Но все же можно предположить, что буряты сыграли важную роль в организации этой конференции, судя по условиям о которых мы говорили выше.

Необходимо также отметить, что в Центре были два человека, которые занимались латинизацией. Один из них Н. Поппе, профессор Ленинградского университета, а другой – Ц.-Д. Номинханов, калмык, только недавно окончивший Ленинградский университет. Н. Поппе руководил бурятами и монголами, а Ц.-Д. Номинханов – калмыками. Вероятно, между ними также существовали отношения, которые благотворно влияли на унификацию алфавита, орфографии и т.д. в пользу бурят и монголов.

Несмотря на то, что не все было унифицировано на этой конференции, была принята резолюция об унификации письменности в определенной степени. Теперь нам нужно рассмотреть, как эта резолюция была реализована на практике.

Калмыки после конференции

Калмыки в основном отвергли изменение курса в соответствии с просьбой, высказанной на конференции в Москве. В мае 1931 года, через 4 месяца после конференции, они действительно приняли решение изменить некоторые фонетические значения букв (с и с̣) в своем алфавите, отвечая на просьбу, но не изменили принцип орфографии в том, чтобы не писать шва после второго слога [Номинханов, 1976: 85].

Есть причина, почему они не внесли дальнейших изменений. Калмыцкий букварь, изданный в 1915 году Нармаевым и Очировым, был написан реформированным шрифтом Тодо Бичиг с транскрипцией на кириллице. В этом учебнике мы находим, что кириллические транскрипции почти такие же, как и те, которые планировалось использовать после 1924 года. Говорили также, что значительное влияние на эту транскрипцию оказал финский монголист

Г. Рамстедт. Г. Рамстедт провел эксперимент по анализу фонетической системы калмыцкой речи в начале 1900-х годов [Ramstedt, 1909]. Он ставил маленький кружок над согласными, после которого слышались шва (неясные гласные). Очиров был одним из тех, на ком проводился эксперимент Рамстедта. Очиров знал результат и понимал, что не писать шва - это «научно». Каким-то образом эта идея закрепилась у калмыков, и до сих пор калмыки придерживаются этого принципа правописания.

Дополнительные письма к кириллическим и латинским алфавитам на калмыцком языке (1924–1941 гг.)

IPA ⁵	æ	ö	Ü	ү	ɟʒ	ŋ	ʃ	ts	
1924	ä	ö	у	г	ж	Ц			кириллица
1926	d	v	ю	h	дж	нг			кириллица
1928	я	э	ю	г	ж	нг			кириллица
1930	э	ө	у	h	z	ŋ	c	ç	латиница
1931	э	Ө	у	h	z	Ц	ç	c	латиница
1938	ä	Ö	ү	гъ	ж	нь			кириллица
1941	э	Ө	ү	h	ж	ц			кириллица

В 1934 году в Элисте была проведена 4-я Лингвистическая конференция. Калмыки приняли новый способ написания деепричастия несовершенного вида – ɟʒ, а также решили проблему написания одного существительного слога с короткой гласной, которая при добавлении суффиксов превращается в длинную гласную [Хальмг kel toxlhna IV-gç konferenc, 1935:105]. Опять же, как и в случае с другими правилами, эти новые правила послужили тому, что орфография калмыцкого языка сильно отличалась от орфографии монголов и бурят. В декабре 1937 года калмыки решили принять кириллицу вместо латиницы. Но орфография осталась такой же, как и при использовании латинского алфавита (НАРК, ПАКО, ф. 1, оп. 3, д. 43, л. 35).

На калмыцком языке разработаны два кириллических алфавита. Первый был составлен в 1938 году (НАРК, ПАКО, ф. 1, оп. 3, д. 102, л. 15), а второй – в 1941 году (НАРК, ф. р131, оп. 1, д. 910, л. 10–11). Но в июне 1941 года началась война с Германией, и немецкая армия на некоторое время оккупировала Элисту. Вскоре после ухода немецкой армии в декабре 1943 года калмыки были депортированы в Сибирь и Среднюю Азию как нация врагов народа. Таким образом, эти два алфавита сосуществовали до 1959 года, и два года после того, как в 1957 году им наконец разрешили вернуться на родину и восстановить свою автономную республику.

Сравнивая эти два алфавита калмыков, мы понимаем, что алфавит 1941 года довольно

⁵Международный фонетический алфавит

близок к алфавиту, принятому бурятами в 1938 году, из чего можно предположить, что на калмыцкий алфавит 1941 года мог как-то повлиять бурятский алфавит. На самом деле, Г. Санжеев, бурят, профессор Московского университета, в 1940 г. опубликовал книгу по калмыцкой грамматике [Санжеев, 1940]. До сих пор неясно, участвовал ли он в разработке алфавита калмыцкого языка. Но, как бы то ни было, алфавиты калмыков и бурят не совсем одинаковы, орфография и способ формирования новых терминов также различаются. Таким образом, был сформирован язык, называемый калмыцким, как язык, отличающийся как от монгольского и бурятского, так и от письменного языка монгольского письма и Тодо бичиг.

Буряты после конференции

После конференции 1931 года для бурят все усложнилось, так как их языковая политика стала оспариваться двумя лагерями, как внутренними, так и внешними.

По алфавиту, как было уже отмечено, Базар Барадин в 1929 году опубликовал статью в журнале «Культура и шрифт Востока». Но в том же номере Н. Поппе, профессор Ленинградского университета, также опубликовал статью о латинизации [Поппе, 1929: 28–33]. Н. Поппе тоже участвовал в конференции 1931 года.

В архиве Сибирского отделения Академии наук в городе Улан-Удэ осталось письмо Н. Поппе Б. Барадину (ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. 471, оп. 1, д. 64, л. 69). Письмо, вероятно, было отправлено примерно в феврале 1929 года. Поппе с удивлением узнал, что Барадин (тогдашний глава Бурятского научного комитета, сегодняшнего Сибирского отделения Академии наук) самостоятельно работал над планом латинского алфавита, тогда как именно Поппе был назначен ответственным за это Комитетом Новотюркского Алфавита (ЦК НТА), причем, согласно заявлению Поппе, по просьбе Бурятского научного комитета. Поэтому Поппе написал письмо Барадину. Барадин ответил, что его Комитет никогда не просил об этом Комитет Новотюркского алфавита. Но, видимо, это недоразумение так и не было улажено, и оба они опубликовали статьи в одном и том же журнале «Культура и Письменность Востока» в 1929 г.

Алфавит Барадина отличался от алфавита ЦК НТА. Основной идеей нового тюркского алфавита было использовать одну букву для обозначения одной фонемы, поэтому в алфавитах ЦК НТА было много букв с диакритическими знаками. А Барадин пытался ограничить количество букв до 26, как в английском, и использовать две и более буквы для обозначения фонемы, как, например, "ch" вместо "ç" или "zh" вместо "ž". Центральный комитет критиковал этот алфавит, который он планировал. Алфавит бурятского языка, окончательно принятый в 1931 г., имел принцип «одна буква для одной фонемы», который, предположительно, был составлен Н. Поппе.

С 1932 года атмосфера, которая царила в этнических меньшинствах в Советском Союзе,

постепенно менялась. Некоторые общественные деятели, имеющие националистические взгляды, были задержаны и отстранены от политической деятельности. Одним из них был и Барадин. В 1938 году он был арестован и казнен. И отношение к Монголии также изменилось. Некоторые стали утверждать, что их новая письменность была непонятна более широкому кругу народа, так как она была создана на основе селенгинского диалекта, на котором говорили только 10 процентов людей и который грамматически отличался от большинства диалектов других представителей, говорящих на бурятских диалектах. Так, в июне 1936 года была проведена языковая конференция, на которой была принята резолюция об изменении диалекта, на котором должен быть основан письменный язык. Это был не селенгинский, а хоринский диалект, самый многочисленный диалект, на котором говорили в центральном городе Бурятской АССР. Хоринский диалект имеет личные окончания и фонему /h/, которые есть в большинстве бурятских диалектов, но не в халхаском или селенгинском диалектах.

В 1938 году буряты также решили принять кириллицу, но орфография в основном осталась прежней. Таким образом, буряты, как и калмыки, тоже пошли в другом направлении, нежели было решено на конференции 1931 года.

**АЛФАВИТ И ОСНОВЫ ПРАВОПИСАНИЯ
БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА.**

Бурят-монгольский алфавит состоит из следующих
36 букв:

Аа	Бб	Вв	Гг	Дд	Ее	Ёё	Жж	Зз	Ии	Йй	Кк
а	бэ	вэ	гэ	дэ	е	ё	жэ	зэ	и	несло- говое й	ка
Лл	Мм	Нн	Оо	Өө	Пп	Рр	Сс	Тт	Уу	Үү	Фф
эль	м	эн	о	өө	пэ	эр	эс	тэ	у	ү	эф
Хх	Һһ	Цц	Чч	Шш	Щщ	Ъ	Ы	Ь	Ээ	Юю	Яя
ха	һа	цэ	чэ	ша	ща	твёр- дый знак	ы	ь мяг- кий знак	э	ю	я

Рис. 1. Бурятский алфавит, принятый в 1938 году.

Монголы после конференции

Как сказано выше, в Монголии уже существовал план действий по использованию латинского алфавита к январю 1933 года. Но в 1932 году появилось возражение, что орфография монгольского языка является "бурятизированной" орфографией и не отражает на самом деле монгольский язык, основанный на халхаском диалекте [Чулуунбаатар, 2002: 93–94]. Монгольское правительство признало эту идею, и в том же году были разработаны новые планы. Латинизация в Монголии длится всего год. За этот очень короткий срок было сделано не так много, были некоторые публикации и некоторые статьи в газетах.

Во второй половине 1930-х годов наступил Большой Террор. Многие буряты, работавшие в области образования, науки, права и т.д., были задержаны и приговорены к длительному тюремному заключению или расстрелу по обвинению в том, что они были панмонголистами или контрреволюционерами, так как многие из них прибыли в Монголию во время Первой мировой войны или в период гражданской войны.

В 1937 г., после того как монгольское правительство существенно уничтожило влияние бурят, снова была предложена латинизация [Чулуунбаатар, 2002: 95]. Но только в 1940 году правительство всерьез задумалось о латинизации. В 1940 г. 10-й партийный съезд Монгольской народно-революционной партии дал указание использовать латинскую графику [Хувьсгалын ардчилсан..., 1967: 49]. В июле того же года был сформирован Комитет по латинскому алфавиту во главе с генеральным секретарем Ю. Цеденбалом и вице-председателем – министром образования Монголии Машлаем. Человек, который сыграл главную роль в латинизации, был Ц. Дамдинсурен, который родился в Монголии и учился в Ленинграде.

В феврале 1941 г. проект латинского алфавита, разработанный Комитетом по латинскому алфавиту, был утвержден на совместном заседании ЦК Монгольской народно-революционной партии и Совета министров [Шагдарсүрэн, 1992:128]. Как мы уже отмечали, буряты и калмыки уже отказались от латинизации и в этот момент приняли кириллицу. Но монголы снова двинулись в сторону латинизации.

Но этот шаг был остановлен. В марте 1941 г., всего через месяц после принятия латинского алфавита, они решили принять кириллицу на таком же совместном заседании [Шагдарсүрэн, 1992: 128]. Снова был сформирован Комитет по алфавиту, на этот раз для кириллицы; однако состав членов не изменился [Дамдинсүрэн, 1942: 5]. Была утверждена кириллица, состоящая из 35 букв. А в ноябре Комитет принял орфографию на основе доклада Дамдинсурена, представленного в тот же день [Дамдинсүрэн, 1942: 1–5].

Изменить политику правительства – нелегкая задача. Поскольку члены обоих комитетов были одни и те же, можно предположить, что это изменение пришло не изнутри, а откуда-то извне.

В любом случае орфография кириллицы стала отличаться от латинской. В эту новую орфографию были добавлены некоторые правила. Наиболее сложным из этих правил является правило беглого гласного в основе слова при добавлении суффиксов⁶. Это, безусловно, отражает реальную речь в Монголии, но это правило очень сложное и его трудно усвоить.

Таким образом, монгольская письменность также не следовала резолюции конференции 1931 года.

⁶Подобно русскому склонению слова типа "отец" становится "отца" в родительном падеже. Когда к основе слова добавляются суффиксы, теряются некоторые гласные при последнем слоге в основе слова.

Профессор Б.Я. Владимирцов и судьба монгольской письменности

В 1928 г. известный ученый-монголовед, профессор Борис Яковлевич Владимирцов заявил, что монгольский мир был объединен одной письменностью – монгольской⁷. В то время другие русские ученые также настаивали на том, что монгольское письмо, написанное монгольской письменностью, является единственным монгольским языком, а другие разговорные языки, на которых говорят монгольские этносы, являются просто диалектами («наречия» или «говоры»).

Но уже к тому времени калмыки отдалялись от монгольского мира. Калмыки решили принять кириллицу для своей новой письменности в 1924 году. Именно перед этими калмыками Владимирцов прочитал упомянутый выше доклад 1928 года в надежде, что его слова смогут остановить уход этих людей из монгольского мира. Но он не смог остановить эту тенденцию, хотя на самом деле у них были шансы объединиться на основе одного письменного языка (такого, как арабский) – либо монгольского, либо латинского письма.

Профессор Владимирцов, кажется, мечтал об объединении монгольских народов с помощью монгольской письменности. В той же речи в 1928 году он сказал, что нашел интересное явление в Монголии: смесь письменного и разговорного языков в речи монголов. Об этом явлении он впервые сообщил в докладе об экспедиции в Хэнтэй и Ургу в 1927 г [Владимирцов, 1927: 10]. В 1920-х гг. бурятский ученый также наблюдал это явление среди бурят [Шагдаров, 1989: 122]. Владимирцов в докладе в 1928 г. сказал, что это «демократизация языка», поскольку это явление может приблизить разговорный язык к письменному и открыть путь к объединению монгольских народов на основе монгольской письменности. Но это произошло только в Монголии. Калмыки не полностью следовали его идее, и этот процесс, как кажется, остановился для бурят где-то в период латинизации.

В мае 1931 года, за несколько месяцев до своей внезапной смерти, Владимирцов написал сочинение под названием «Монгольская письменность – к латинизации монгольской и калмыцкой письменности». В этом сочинении описывались письменности, которыми пользовался монгольский народ в истории. Не было написано ни одной фразы, восхваляющей то, что было достигнуто в результате принятия латинского алфавита. Вот что он сказал по поводу латинского шрифта в этом сочинении: «Переход на латинизированную письменность для монголов, бурят и калмыков означает не только принятие новых (латинских) букв, но и полное изменение в самом языке» [Владимирцов, 1932: 1]. Тем самым он отмечал, что смена алфавита, в конце концов, была действительно причиной великих перемен.

⁷ (НАРК, ф. р3, оп. 2, д. 1144)

Заключение

В течение 17 лет (с 1924 года, когда калмыки впервые начали принимать кириллицу, до 1941 года, когда монголы приняли кириллицу), монгольские народы, а именно монголы, буряты и калмыки, предприняли много попыток реформировать и модернизировать свой язык и письменность. И было время, в 1931 году, когда представители всех этих народов собрались вместе, чтобы обсудить вопрос об унификации их алфавита на латинице, орфографии и способах создания новых терминов. Однако этого не произошло. Спустя 10 лет все эти народы приняли кириллицу, но каждый из них создал свой собственный алфавит и орфографию. Таким образом, для монгольских народов появилось три новых письменных языка. Теперь большинство бурят и калмыков думают о себе не как о монгольском народе, а как о самостоятельном народе, как о бурятах и калмыках. Для этих людей монгольский язык является иностранным, а монголы – это другой народ.

Диалекты, на которых основаны письменные языки калмыков и бурят, существуют и в Монголии. Когда эти носители живут в Монголии, их говоры считаются диалектами, в то время как в России они считаются языками.

В этой статье я не утверждаю, что сознание таких людей неправильно или что они должны быть едины. Мое предположение - что сознание не является стабильным и описанные выше представления не появились в нем естественным образом, как это предлагалось интерпретировать некоторыми людьми. Я попытался показать, что разделение этих монгольских языков в действительности было результатом языковой политики, которую их предки проводили только в недавнем прошлом. Алфавит и орфография, безусловно, вносят большой вклад в формирование и подтверждение идентичности, но если политическая ситуация пойдет в другом направлении, то они также могут претерпеть изменения.

Вероятно, это правда, что национальное сознание в значительной степени вдохновляется образованием. Как отметил Бенедикт Андерсон в своей книге «Воображаемые сообщества», «печатный капитализм» внес огромный вклад в формирование национального государства, заставив людей представить, что то, что они читают, можно прочесть и в отдаленных районах, где живут люди одной и той же нации [Anderson, 2006: 53]. Алфавиты, орфография и терминология могут быть важным содержанием печатного капитализма, который позволяет людям представить себе национальное государство в рамках определенных границ.

Речь состоит из звуков. И иногда очень трудно сказать, язык это или диалект, так как разница в звуках не очевидна. Но очень легко отличить один язык от другого, когда он написан, так как письменность визуально показывает нам, какой язык мы используем. Таким образом, эта визуализация речи определяет границы между языками. Она четко дает представление о

том, что это язык, даже если есть несколько очень похожих языков, потому что вы можете увидеть разницу между ними в алфавите, орфографии и т. д. Существует множество причин для изменения алфавита, орфографии и т.д., не только лингвистических, но и политических. Для монголов, живших в Монголии и России (бывшем Советском Союзе), этот процесс начался в 1924 году и закончился в 1941 году.

Литература

- Айтов-гиль (1932) Новый алфавит в Нижневолжском крае. Революция и письменность, № 3. С. 63.
- Алпатов В.М. (2000) 150 языков и политика (1917–2000). М.: Крафт + Институт востоковедения РАН, 2000. 224 с.
- Барадин Б.Б. (1929). Вопросы повышения бурят-монгольской языковой культуры. Культура и письменность Востока, Книга 5. С. 3–27
- Владимирцов Б.Я. (1927) «Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах», Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году (Северная Монголия 2). Л.
- Владимирцов Б.Я. (1932) Монгольские литературные языки. К латинизации монгольской и калмыцкой письменности. Записки Института Востоковедения Академии наук СССР № 1.
- Вопросы совершенствования тюркских языков СССР (1972). Отв. ред. Н.А. Баскаков. М.: Наука. 249 с.
- Доржиев Д.Н. (1999) Об орфографии старобурятского языка. Редкол. Б.В. Баразов, М.И. Тулохонов. Филологический сборник. Улан-Удэ. С. 251.
- Исаев М.И. (1979) Языковое строительство в СССР. М.: Наука. 350 с.
- История отечественного востоковедения в середины XIX века до 1917 (1997). Редкол. А.А. Вигасин, А.Н. Хохолов, П.М. Шаститко. М.: Восточная литература. 534 с.
- Казакевич О.А. (1996) Языки малочисленных народов России. Человек № 4. С.149–161.
- Конференция монгольских народов по вопросам письменности и языка (1932). Революция и письменность № 3. С. 66–77.
- Костенков К.И. (1868) Статистическо-хозяйственное описание калмыцкой степи Астраханской губернии. СПб: Типография В. Безобразова и К°. 175 с.
- Котвич В. (1929) Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. 2-ое изд. Прага: Издание калмыцкой комиссии культурных работников в Чехословацкой Республике. 249 с.
- Нармаев Н., Очиров Н. (1915) Букварь. Петроград.
- Номинханов Ц-Д. (1976) Очерк истории калмыцкой письменности. М.: Наука, 137 с.
- О культурно-национальном строительстве (1931), Вестник Института Культуры Бурят-Монгольской АССР, № 2–3. С.16.
- Павлов Д.А. (2000) Вопросы истории и строя калмыцкого литературного языка. Элиста: Джангар. 284 с.
- Поппе Н.Н. (1929) К вопросу о создании нового монгольского алфавита. Культура и Письменность Востока, № 5. С. 28–33.
- Санжеев Г. Д. (1940) Грамматика калмыцкого языка. М.–Л.: Изд-во АН СССР. 158 с.
- Цыдендамбаев Ц.Б (1973) Итоги и насущные проблемы языкового строительства в Бурятии. Труды общественных наук, 19. Улан-Удэ. С. 61–87.
- Шагдаров Л.Д. (1967) Становление единых норм бурятского литературного языка в советскую эпоху. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство. 106 с.
- Шагдаров Л.Д. (1989) Старописьменный монгольский язык и формирование бурятского

литературного языка. Владимирцовские чтения, II Всесоюзная конференция монголоведов. Тезисы докладов и сообщений. М. С. 122.

Яковлев Н. (1932) Некоторые итоги латинизации и унификации алфавитов в СССР. *Революция и письменность*. № 4–5 (14–15). С. 34.

На монгольском языке

Дамдинсүрэн Д. (1942) Шинэүсэгийн дүрэм. Улаанбаатар. Т.5.

Манжий ндарангуйллын үеийн Монголын сургууль (1776–1911) (1965). Цэрэндашийн Шархүү, Ч Хасдорж (эмх.). Улаанбаатар: Улсын Хэвлэлийн Хэрэг Эрхлэх Хороо. 275 с.

Монгол ардын хувьсгалт намаас бүхнийтийг үндэсний бичиг үсэгт сургасаннь. Улаанбаатар: Улсын Хэвлэлийн Хэрэг Эрхлэх Хороо, 222 х.

Хувьсгалын ардчилсан шатны боловсролын сургууль (1921–1940) (1967). Улаанбаатар.

Чулуунбаатар Л. (2002) Нүүдэлчин Монгол чуудын бичиг үсгийн соёл. Улаанбаатар.

Шагдар Амбагайт Ш. (2000) Монгол улсын боловсролын товчоон. Улаанбаатар, 2.

Шагдарсүрэн Ц. (1981) Монгол үсэгт зүй. Улаанбаатар.

Шагдарсүрэн Ц. (1992) Монголын утга соёлын товчоон. Улаанбаатар.

Шагдарсүрэн Ц. (2001) Монголчуудын үсэг бичгийн товчоон. Улаанбаатар.

Хятад, Орос, Монголын гурван улсын Хиагтын гэрээ (1999). Энхсайхан (эмх.). Улаанбаатар.

Baraadiin B. (1910) *Burīaad zonoī uran eugeuiin deej* [Б. Барадин, Отрывки из бурятской народной литературы] (St. Petersburg, 1910). С. 37–38.

Xaɮɯŋg kel tosxɮhna IV-gç konferenc (1935) *Elst*. X. 105.

Өердин зэнг № 1–5 (1917–1918).

На японском языке

Ли Ёнсук (1995) «Кокуго» тоиусисо [Мысли о национальном языке]. Токио: Иванами. 1995. (На япон. яз.)

Такэда Масая (1994) Сокэцутачн но утагэ – Кандзи но синва то ютопия [Пир Цан Цзе – мифы и утопии о китайских иероглифах]. Токио: Чикума Шобо. 322 с. (На япон. яз.)

Танака Кацухико (1990) Согэнно Какумэйка тачи [Степные революционеры]. 2-е изд. Токио: Бунгэйсюнджу. 230 с. (На япон. яз.)

На английском языке

Grenoble, Lenore A. (2003) *Language Policy in the Soviet Union*. Netherlands: Springer. 250 p.

Montgomery, R.W. (2005) *Late Tsarist and Early Soviet Nationality and Cultural Policy: The Buryats and their Language*. New York: Lewiston Lewiston. 356 p.

Ramstedt, G.J. (1909), *Kalmukische Sprachproben I: Kalmückisch Märchen*, Helsingfors.

Smith, G. (1998) *Language and Power in the Creation of the USSR, 1917–1953*. Berlin: De Gruyter Mouton. 300 p

Şimşir, B. (1992) *Türk yazı devrimi*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi Türk Tarih Kurumu Basımevi. 506 p.

Winner, T.G. (1952) Problems of Alphabetic Reform among the Turkic Peoples of Soviet Central Asia, 1920–1941. *The Slavonic and East European Reviews*. XXXI 76. Pp. 133–147.

Anderson, B. (1932) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, Verso, 1983. Revised edition, 2006. Pp. 53.

Сокращения

НАРК – Национальный архив Республики Калмыкии.

ПАКО – Партийный Архив Калмыцкой Области

ЦВРК ИМБТ СО РАН – Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Араи Юкиясу – PhD, профессор университета Хоккайдо.

Адрес: Япония, Токио, Мегуро-ку.

Эл. адрес: kalmykov@yahoo.co.jp

Для цитирования: Юкиясу Араи. Интеграция и разделение «языка»: языковая политика монгольских народов в СССР и Монголии (1920–1940 гг.) [Электронный ресурс]. Социолингвистика. 2021, No 1(5). С. 9–30 DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-9-30

For citation: Yukiyasu Arai. Integration and division of the “language”: language policy of the Mongolian peoples in the USSR and Mongolia in 1920–1940. Sociolinguistics, 2021, no.1(5) [online], pp. 9–30. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-9-30